

Притворись нашей мамой

Автор:

Регина Янтарная

Притворись нашей мамой

Регина Янтарная

Злой рок отнял у Златы всё! Теперь она боится любить и не верит мужчинам. Обстоятельства вынуждают её подписать невыгодный контракт с властным заносчивым соседом-майором. Эмоции на грани, сложные отношения, brutальный майор, нежная ранимая героиня, забавная дочка майора Алёнка.

Регина Янтарная

Притворись нашей мамой

Глава 1

– Откройте! Немедленно! – Барабанят в дверь.

Вздрагиваю. Три часа ночи! Что происходит?

Крадусь на цыпочках к двери. Замираю.

В глазке вижу нескольких полицейских с дубинками в руках.

Нерешительно открываю дверь и цепенею от ужаса, на меня набрасываются мужчины в форме. Они заламывают мне руки за спину, как преступнице!

– Пустите! – пытаюсь вырваться.

Один из полицейских достаёт из кармана серебристые металлические наручники.

Неужели он собирается застегнуть их на моих запястьях? Верится с трудом. Ошарашенно взираю, как клацают наручники на моих тонких запястьях.

– Это недоразумение! Отпустите! – скулю, от бессилия на глаза выступают слезы.

За ними врывается ещё один непрошенный гость. Он резко останавливается, хватая меня за грудки.

– Если ты с ней что-то сделала, я тебя линчую! – орёт мне в лицо.

Я вся трясусь, не понимая, что происходит.

– Алёна! Алёна! – взбудораженный мужик носится по квартире.

Злата Чайкина

В два часа ночи возвращаюсь с работы. У подъезда встаю, как вкопанная, прислушиваюсь к необычным звукам из кустов.

Открываю подъездную дверь, и снова слышу жалобный звук.

– Точно не котик!

Возвращаюсь, раздвигаю кусты... а там сидит маленькая девочка.

На вид лет пять, светлые волосики падают локонами на худенькие плечики, губки трясутся, маленькое личико с пухлыми щёчками зарёвано.

– Господи! – роняю сумки на землю.

Лупит на меня большие глазищи, цвет которых не могу рассмотреть в темноте, плаксиво подмечает:

– Я не «Госпади», я Алёна.

– Вылезай, – прошу, но моя «находка» не хочет.

– Кого ты боишься? Мы здесь одни!

– Собаку!

Пытаюсь схватить малышку за талию, но она выкручивается.

– Алёна, я тебя не обижу, – уговариваю, ухватившись за край джинсовой юбки, тяну девчушку на себя. Корябаю руки о кустарник, с трудом вытаскиваю подкидыша.

Скольжу взглядом по ребенку. На девочке желтая футболка и синяя джинсовая юбка.

– Мамочки! А почему ты без сандалий? – в шоке вижу, что девочка босая.

До меня начинает доходить, что случилось что-то страшное.

– У тебя что-нибудь болит? – осматриваю со всех сторон. Руки и ноги оцарапаны. Надо быстрее обработать...

– Алёнушка, послушай, – глажу пальцами перепачканное лицо с огромными глазищами, умолкаю.

Боюсь напугать ребенка.

Кусаю нижнюю губу, обдумывая тактику.

– Почему ты без обуви? – осторожно спрашиваю я.

– Я вышла в коридор посмотреть, кто пришёл, а дверь закрылась. Упс! – девочка театрально разводит руками, и тепло растекается в моей душе.

Давно я не общалась с детьми. Очень давно...

Два года убегала, боялась, что не выдержу смотреть в детские глаза, обнимать хрупкие плечики, трогать маленькие ручки, слушать их весёлое щебетание. Но сейчас другое дело! Ребёнок явно в беде, нуждается в помощи взрослого. Оглядываюсь, пустынный тёмный двор. Даже фонари кто-то повыбивал.

– Где твои родители? – с тревогой спрашиваю я.

– Галя с Витей целуются, папа с обезьянами в цирке, – шмыгает носом девчушка.

Так! Зоопарк какой-то, у них шведская семья? Наверное, цирковые так живут, откуда мне знать.

Всё равно нехорошо получается. Пока взрослые развлекаются, малышка гуляет ночью на улице одна, босиком.

– А мама знает, что ты ушла? – от напряжения сводит скулы. Похоже, я делаю ошибку, нужно сразу вызвать полицию. Правоохранители сами в опеку позвонят. Там и разберутся с любвеобильной семейкой.

– Мама? – голубые глазёнки удивлённо глядят на меня. – Мамы неть!

– Как так-то? У всех есть мамы, – мягко возражаю.

– Неть. Папа говорит, что неть.

Становится совсем не по себе. Продолжать допрос малявки хочется всё меньше и меньше. Она уже засыпает на ходу, трёт глазки...

Так кто такая Галя?

Фу ты! Встряхиваюсь, пытаюсь снять морок и развидеть картины, представшие перед глазами.

– Из какого ты подъезда? – с гаснущей надеждой спрашиваю у неё.

Уже перестаю верить, что удастся вернуть малышку её родителям. Давно со мной не происходило непредвиденных ситуаций. Я их сторонюсь. Мой психотерапевт предупредил: – Милочка, во избежание эксцессов, избегайте шоковых ситуаций. – Легко сказать, особенно, учитывая мою работу – я врач.

– Там! – девочка тычет пальчиком в сторону многоэтажек.

– Кошмар! Значит, ты потерялась!

Малышка тяжело вздыхает и опускает глазки.

Подбираю сумки, беру её за руку.

– Алёнка, пойдём ко мне. Я тебя напою, накормлю, потом мы позвоним бравым ребятам, и они вернут тебя в твою странную семью. Меня зовут Злата.

– Золотая, – бормочет малышка, кидая на меня тёплые взгляды.

– Типа того, – невольно улыбаюсь.

Пока едем в лифте, не выдерживаю внутреннего напряжения, отпускаю руку Алёны.

На сердце слишком тяжело. А руку колет в тех местах, где наша кожа соприкасалась.

Нервно улыбаюсь, смотрю в голубые небесные глаза девочки. Мечтаю об одном – поскорее от неё избавиться, передать в руки правоохранителей, пока она не вырвала у меня из груди сердце.

Боже, они даже роста одного с Натой, и возраст тот же...

Заставляю себя переключиться, думать о реале.

– Яишенку с жареными сосисками – осьминожками будешь?

Радостно кивает, и грязные светлые прядки падают на её милое личико.

Заходим в квартиру. Пока я раскладываю продукты на кухне, егоза носится по квартире.

Непривычно шумно. Вздрагиваю, в груди замирает чувство тревоги. Я привыкла жить в одиночестве, чтобы ничто не отвлекало меня от горя... В горле стоит ком из слёз. Хочу плакать, но не могу. Всё давно выплакано.

– Идём! – Алёна тянет меня за собой, послушно следую.

Останавливаемся в зале, где на стене висят два огромных портрета.

– Кто это? – Блондинка тычет в них пальчиком.

– Мои, – киваю я, смотрю на любимых пустыми глазами.

Присаживаюсь на корточки перед девочкой, шепчу:

– Ты очень хорошая, и Наташа бы тебя полюбила! – смахиваю длинную чёлку, чтобы открыть девочке правый глаз.

Да что за родители такие, даже подстричь ребёнка не могут!

– Пойдём, я тебе ранки обработаю, а потом будем жарить сосисочных крабиков.

– Ура!

Счастье по крупинке заполняет мою грудь, пока общаюсь с девочкой, забываю не только о себе, но и о том, откуда у меня в доме появилось это голубоглазое чудо.

В дверь барабанят, орут:

– Откройте!

– Сиди здесь тихо, – приказываю Алёнке, запахиваю короткий шёлковый халат, крадусь к двери на цыпочках.

Стоило открыть дверь, менты скручивают мне руки, надевают на меня наручники.

– Пустите! – делаю последнюю попытку освободиться, но не выходит.

В квартиру вихрем влетает четвёртый мужчина, высокий, сбитый, светлые русые волосы зачесаны назад, собраны в небольшой пучок, лицо перекошено. Одет по гражданке. Он проносится по комнатам, с истошными криками «Алёна», заканчивает маршрут на кухне.

– Доченька! Алёнушка! Как же ты меня напугала.

Через минуту мужчина выносит девчушку на руках в холл. Бросая на меня гневный взгляд, цедит:

– За похищение моей дочери закрою на десятку!

– Что здесь происходит? – шепчу я, глотая слёзы. – Я всё объясню. Я нашла девочку в кустах.

– Есть свидетели, утверждающие, что Вы похитили ребёнка, – сообщает один из полицейских, делая мне одолжение.

– Какие свидетели? – мотаю головой. – Я её нашла, просто не успела вызвать полицию.

– Ваш паспорт! – требует полицейский.

Спорить бесполезно, срочно нужен адвокат! На которого у меня нет денег. Обречённо киваю на сумочку. Мент достаёт оттуда документ.

– Чайкина Злата Дмитриевна, – зачитывает он, вцепляется грозным взглядом мне в лицо. – Вы арестованы по подозрению в похищении Алёны Демидовны Удальцовой.

– В тюрьме тебе и место, – цедит мужчина с такими же голубыми небесными глазами как у дочери. Только глаза у него не тёплые как у неё, а ледяные, как у Снежного Короля.

– В тюрьму, – подтверждает Алёна и хмурит светлые бровки как её отец.

– Алёнушка, девочка, скажи им, пожалуйста, что я нашла тебя в кустах, – умоляю ребёнка.

– В тюрьму, – твердит зазубрено малышка, – к обезьянам в цирк.

Вот что она имела в виду! Слова отца – мента повторяла. Видимо, он говорил «обезьянник», и называл его цинично цирком.

Это какой-то сюр! Нужно ущипнуть себя, тогда я проснусь. Щипаю, не помогает. Прошло два года с момента трагедии, а я до сих пор не могу прийти в себя, так и не просыпаюсь, так и не живу...

Глава 2

Демид Удальцов

– Ладно, две тысячи за ночь!

– У меня другие планы, – тянет молодая, набивая себе цену.

– Галя, – уговариваю соседскую девчонку, – меня срочно вызвали на службу, посиди с Алёной!

Знаю точно, что семнадцатилетней соседке эти деньги кажутся такими же баснословными, как и мне!

Вынужден платить двойной тариф, так как дневная няня Татьяна Ивановна отказывается работать по ночам. А нанимать вторую полноценную няню накладно. По возможности не беру ночные дежурства, и начальство избегает ставить меня в ночные смены, все знают, что Удальцов – отец – одиночка, мать – на половину ставки для пятилетней дочки-непоседы.

Мои родители живы и здоровы, живут в другой стране, и к огромному моему огорчению, не собираются переезжать в Россию.

– Сынок, привези внуку, мы её сами вырастим.

– Сейчас, бегу, спотыкаюсь, визу оформляю! Я без дочки дня не могу прожить. А о моём переезде в чужую страну даже речи не может быть!

Москва устраивает. И работа тоже. Преступников стало меньше, они все переместились в интернет! Баба с возу, кобыле легче!

Целую спящую дочурку в щёчку, накрываю одеялом, укладываю рядом с ней потрёпанного слона, которого ей купила её непутёвая мать, укатившая с хоккеистом НХЛ.

Выхожу из комнаты, аккуратно прикрываю за собой дверь, боюсь разбудить Алёнку. Если бы она знала, что я иногда по ночам отлучаюсь из дома по делам службы, то перестала бы спать от страха. А так дочурка уверена, что папа, как верный пёс, всегда рядом на страже её спокойного сна.

Галя закрывает за мной дверь, и я с тяжёлым сердцем отправляюсь в дежурку. Боюсь, меня ждёт тяжёлый вечер...

К моему удивлению, пойманный быстро колется, и в два часа ночи я уже свободен. К трём возвращаюсь домой.

Галя спит глубоким сном растущего организма, свернувшись в клубок на диване. Иду к дочке в спальню, поцеловать, уже соскучился, и ... нахожу пустую кровать.

Наверное, пьёт на кухне водичку или в туалет отправилась?

Огромными шагами преодолеваю квартиру, оставленную мне родителями, влетаю в кухню. Пусто.

Твою ж мать!

Сердце бешено отбивает ритм. Несусь в туалет – дочери нет.

– Га-ля! – ору на всю квартиру, остервенело шагаю к девушке. Грубо хватаю её, поднимаю на ноги.

– А-а! Что? – пучит чёрные заспанные глазищи.

– Где моя дочь? – мечу в соседку яростные взгляды.

– Спит!

– Ты берега не попутала? Её нет в квартире.

– Не может быть! – трёт глаза, бегают по комнатам, возвращается.

Бессильно падаю на стул, склоняю голову к коленям, зажимаю виски руками:

– Что теперь будет? Неужели Серый осуществил угрозу? Отомстил! Всех убью, если с её головы упадёт хоть один волосок.

– Демид, – соседка тихонько стучит меня по спине, – вот водичка, выпей.

– Галя! – поднимаю глаза и сурово смотрю на девчонку. Неформалка, с чернильными, как смоль волосами, в черных джинсах и темной футболке с надписью «фак ю». – Если ты причастна к похищению моей дочери, тебе конец, – чиркаю рукой по шее.

– Клянусь мамой! Я не при чём, – мотает головой.

– Рассказывай, всё как было! – рычу.

Она опускает глаза в пол, нагло цедит:

– Ну... я спала, сквозь сон слышала шум... но не уверена.

– Пошла вон, и чтобы из дома ни шагу! Усекла? – не верю ни единому её слову.
Коза малолетняя!

Осматриваю квартиру, замечаю в холле батарею из сандалий дочери, понимаю, что все на месте.

– Эти гады унесли её даже без сандаликов?!

Меня всего трясёт от злости. Замираю, закрываю глаза, пытаюсь сконцентрироваться. Готов сейчас разорвать в клочья весь мир.

Вызываю наряд из ближайшего участка. Вчетвером осматриваем близлежащие дворы.

Из участка поступает звонок:

– Удальцов, нашлась твоя Алёнка! Камеры зафиксировали её у новостройки в ЖК Ласточка. Это там, рядом с тобой.

– Хоть что-то! – облегчённо выдыхаю. Зацепка – это всегда хорошо.

У элитной новостройки притормаживаем, но не выходим из машины, осматриваемся, выжидаем чего-то. Квартиры в доме ещё не сданы, фонари побиты, непонятно, где искать...

– Рассредоточимся по подъездам? – предлагает старший наряда.

Неодобрительно мотаю головой.

– В доме шесть подъездов, пятнадцать этажей, более половины квартир не заселены. Камеры в трёх подъездах нерабочие! Информацию не получим из центра.

– Что предлагаешь? Волонтёров подключим?

Хочу думать, что дочку похитил не Серый, но не могу. Что если он снял квартиру в этой новостройке, там сидит его человек, и дочурку мою он же похитил. Тяжело вздыхаю.

Стоим у дома минут пятнадцать, с включённым проблесковым маячком, будим людей. Где-то уже и свет загорелся в окнах.

– Смотри! – полицейский показывает в сторону бегущего к нам мужчины.

Резко распахиваю дверцу.

– Вы к нам? – хмуро уточняю.

– А то ж! Вы не девочку часом ищите? Малая, – запыхавшийся мужик показывает рукой рост моей Алёнки, – светленькая, в юбчонке и светлой майке?

Пульс набирает обороты, руки трясутся, не могу справиться с собой. Я – само спокойствие всегда теряю самообладание, когда речь заходит о дочери.

Если бы у неё была мать, то другое дело, а так должен защищать её от той боли, которую малышке может причинить мир.

– Спокойствие, – цедит старший наряда, обращаясь ко мне.

Видимо, боится, что могу учудить что-нибудь. Слышал легенды об Удальцове.

Выходит из машины.

– Где Вы её видели и во сколько? – спрашивает у свидетеля.

– Час назад, – бухтит мужик, хитро суживая глаза, – её эта странная женщина тащила за руку в подъезд! – он указывает пальцем на ближайшую дверь.

– Почему странная?

– Нелюдимая, ни с кем не разговаривает, на вопросы не отвечает. Неприятная такая! Брр! С рыжими кудряшками и пристальными глазами.

Вылетаю из машины, остальные следуют за мной. Хватаю мужика за шиворот, тащу к подъезду:

– Показывай, где эта ведьма живёт!

Через пять минут вламываемся в квартиру.

Нахожу дочку на кухне, вся исцарапанная, сидит тихо-мирно на стульчике, ест жаренную сосиску, смотрит на меня удивлённо огромными небесными глазищами.

– Папочка, – бросает сосиску, и перепачканными руками обнимает за шею.

– Солнышко моё! Алёнушка, – осматриваю своё сокровище. Кроме царапин вроде бы ничего серьёзного. Сейчас отвезу в больницу, там её осмотрят.

Яростным шагом выхожу в холл, где пытается освободиться от наручников та самая мерзавка, что посмела похитить моего ребёнка.

Осматриваю её внимательно. Хрупкая фигурка, высокая, метр семьдесят пять, не меньше, волосы рыжеватыми кудряшками спадают на острые плечи. Огромные светло-карие глаза смотрят на меня так жалобно, что сердце ёкает.

По миловидному личику бегут крупные слёзы.

– Это недоразумение, – шепчут красивые губы, – я нашла девочку в кустах.

Не могу без боли смотреть в эти глаза, останавливаю взгляд на декольте халата, там висит на серебряной цепочке странная безделушка. Будто ребёнок сделал.

Точно, чокнутая! Правильно о ней сосед сказал.

– В обезьянник её закройте в моём участке. Сам буду с ней разбираться, хочу удостовериться, что получит по заслугам. Не выскользнет от правосудия.

Ухожу, не оглядываясь, унося своё светловолосое сокровище.

– Пожалуйста, послушайте... – пищит бессильно, обращаясь к моей спине.

Но я не намерен слушать её ложь. Повидал на своём веку таких преступниц как она – заек снаружи, мегер – внутри.

Глава 3

Злата

– Вы меня в халате повезёте? Можно я переоденусь? – плакать перестала и почти смирилась.

Сухарей сушёных, конечно, не припасла на такой непредвиденный случай. Нужно хотя бы собрать сумку с самым необходимым... Еду, думаю, не стоит брать с собой, там... накормят.

Полицейские переглядываются.

– Ладно. По-быстрому! – с меня снимают наручники. Тру затекшие запястья. Дую на них...

Через двадцать минут спускаемся к полицейскому воронку.

Двери закрываются с гулким скрежетом, отделяя меня наивную от враждебного внешнего мира. Машина едет в раздражающем звуковом сопровождении мигалки. Оно проникает мне под кожу, разрывает мозг изнутри.

Ёжусь. Вжимаюсь в спинку сиденья.

Не верю, что этот кошмар происходит со мной. Наверное, я смотрела боевик и уснула.

Вижу себя, словно со стороны...

Полицейский бросает на меня злобный взгляд, поворачивает голову к товарищам:

– Умеют же бабы накосячить на срок, а затем изображать из себя невинных овечек.

Его напарник смотрит на меня в упор:

– Чайкина, не строй из себя жалкую, ничего-то непонимающую потеряшку! Бесплезно! Удальцов – лютый зверь, матёрый следак, он тебя будет пытаться морально столько, сколько нужно. Вмиг расколешься!

По щекам катятся жгучие слёзы обиды и страха. Ловлю их соль губами. Нервно сглатываю.

Не понимаю, откуда взялся свидетель, утверждающий, что я тащила девочку к себе? На улице никого не было! А если там был человек, почему он не подошёл к малышке?

Разве так можно? Быть таким безразличным.

Сажу на жёстком сидении, с ужасом смотрю на свои руки, закованные снова в наручники.

Ловлю обрывки судорожных рекомендаций моего врача:

– Злата Дмитриевна, избегайте тревожных ситуаций! Может быть повторный срыв.

Как я могу избежать, если весь мир против меня!

Не знала, что невинного человека можно обвинить в похищении живого человека! Сюр! Мотаю головой из стороны в сторону.

Страшно до одури. Как тогда два года назад.

В груди жжёт, нечем дышать. Открываю рот, делаю глоток воздуха.

Окидываю затравленным взглядом ментов.

– Приехали! Чайкина, на выход, – грубый толчок выводит меня из оцепенения.

Выбираюсь из машины. Осторожно спускаюсь на землю. Кружится голова, в глазах всё плывёт. Неожиданно пухлый взрослый полицейский поддерживает за локоть.

– Спасибо, – отвечаю на автомате.

Иду в участок на негнущихся ногах.

– Чайкина, сюда! – подводят к клетке в полицейском участке, – Посидишь тут до утра, подумаешь, там и Удальцов подъедет. Будь с ним милой и пушистой, расскажи всё как есть, сдай подельников, тогда он точно определит тебе хорошую койку в достойной хате!

Меня всю трясёт. Шмыгаю носом, глотаю слёзы.

– Можно один звонок, – сиплю еле слышно.

– Прости малышка, но майору это не понравится, – мужчины красноречиво переглядываются. – Все просьбы к Удальцову. Он теперь вершитель твоей судьбы.

– Разве я не имею права на звонок? Я видела в кино...

Полицейские громко расхохотались.

– Злата Дмитриевна, отдыхайте, – язвительно произнёс полицейский, протолкнув меня вглубь пустой клетки.

Со скрежетом за спиной лязгнул замок. Прижавшись щекой к железным прутьям, я с мольбой смотрю, как стражи удаляются...

Оглядываюсь вокруг. Я тут совершенно одна. Похоже, остальные ведут себя хорошо, не нарушают закон.

Темно сыро и очень страшно. Обнимаю себя руками. От реалистичности происходящего в венах стынет кровь. Падаю, как подкошенная на скамейку...

Не замечаю, как засыпаю... Мне снится сон. Мы с Наташей гуляем на причале в родном Сочи. На улице лето, полно приезжих, но мы никого не замечаем, мы так счастливы.

– Мамочка, купи мороженое!

Я отворачиваюсь от пятилетней дочери всего на минутку. Поворачиваюсь назад с мороженым в руках.

Наташа исчезла...

Бегу по набережной к дому, обвитому виноградной лозой. Поднимаюсь по винтовой лестнице. Врываюсь в комнату ребёнка.

– Нет! – кричу я, оседая на пол. Смотрю в огромные печальные глаза дочери на фотографии... с чёрной лентой в уголке.

Она как живая, смотрит на меня. – Мамочка! – эхом отдаётся в ушах.

Но моё сердечко знает наверняка, что всё...

– Нет!..

Сквозь сон слышу лязг отпираемых запоров, морщусь от неприятного звука, закрываю уши ладонями.

– Чего «нет»? Вставай! Разлеглась тут! – меня толкают в бок. – Сейчас Удальцову всё сообщишь и отоспишься в СИЗО.

Меня ведут к Удальцову на допрос.

Может, он выспался и сейчас в адеквате, выслушает спокойно?

Заводят в кабинет полный людей.

За рабочим столом сидит майор. Только сейчас он в кителе.

Под глазами пролегли тёмные мешки от бессонной ночи. Русые немного выющиеся волосы всклокочены и собраны в небольшой пучок. Голубые неоновые глаза внимательно изучают бумаги на столе.

Демонстративно делает вид, что не замечает того, что я вошла.

Сбоку на приставных стульчиках сидят люди, одетые по гражданской. Девушка с чернильными волосами и седой мужчина. Его я узнала сразу! Неприятная особь.

У него жуткая собака, которая меня всегда пугает. А ещё я с соседом ругалась пару раз не только из-за отсутствия намордника на псине, но и из-за места на стоянке. Седовласый мужчина внаглую ставил своё авто на моё парковочное место.

– Можно сесть? – уточняю дрожащими губами.

– Снимите с подозреваемой наручники, – приказывает майор, смотрит мимо меня.

– Чайкина Злата Дмитриевна, садитесь, – скользит по мне ядовитым взглядом.

Послушно присаживаюсь на краешек стула. Жду, что будет дальше.

– Свидетельница, представьтесь.

– Галина Ерохина.

– Вы опознаёте эту женщину? Её вы видели вчера ночью в моей квартире?

Галина яростно кивает:

– Она!

– Простите, в чьей квартире? – шепчу я, пребывая в полнейшем шоке. Но мне делают знак молчать.

– Свидетель, Вы подтверждаете, что видели эту женщину ночью с ребёнком?

– Да, – мужик радостно подскочил, и бросил на меня взгляд победителя.

Вбираю побольше воздуха в грудь, пытаюсь бороться за себя:

– Это наговор! Всё было не так! Я не знаю, кто эти люди и зачем они топят меня, но всё было по-другому. Я расскажу.

– Не надо, – обрывает меня майор.

Протягивает мне бумагу, исписанную мелким почерком, говорит:

– Подписывай...те.

– Я не буду!

Поток свежего воздуха проникает через окно и даёт мне сил бороться. Вдыхаю.

– Могу сделать один звонок?

– Всё подпишешь, тогда звони!

– Разве не должна я написать признание своей рукой?

– Должна, – нагло утверждает майор, – но ты же отказываешься от чистосердечного, а твоё мерзкое враньё мне не нужно!

Ещё чуть-чуть и я просто сойду с ума от этого театра абсурда. Вот так запросто в двадцать первом веке признать человека виновным? Без единого доказательства.

От ужаса происходящего, страха перед жутким будущим, сознание начинает шалить.

От несправедливости, что творят со мной... перестаю контролировать себя вовсе.

Ломаюсь, как тогда, отключаюсь от настоящего.

Голова как в тумане, перестаю видеть людей.

Плохо соображаю, где нахожусь.

Стою у двух свежих могил. В одной лежит мой муж, во второй...дочь.

– Наташенька! – падаю на свежие веночки, принесённые соседями, – не уходи, пожалуйста. Останься с мамой!

– Охрана! Позовите врача, – слышу женский истошный визг.

– Хороший спектакль! Браво! – майор хлопает в ладоши.

Плохо понимаю, что происходит.

Меня выводят на улицу, сажают в автозак...

Глава 4

Демид

После тяжёлого рабочего дня и жуткой ночи, откидываюсь на спинку рабочего кресла, прикрываю глаза. Представляю сексуальную женщину из глянца, с аппетитными щёчками, пышной грудью, пухлыми губками. Мысленно касаюсь её везде.

Крутая медитация. Трудности рабочего дня забываются моментально.

Также помогает, когда на меня наезжает на планёрке подполковник Лисицын.

Вместо его лысой головы представляю красивую женскую грудь. Дотрагиваюсь до неё, а когда открываю глаза и вижу перед собой злое лицо босса, плохое настроение как рукой снимает.

Вот и сейчас рассчитываю на бонус, закрываю глаза...

... и вместо грудастой блонды вижу эту – чокнутую, с рыжими кудряшками, миловидными заплаканными щёчками, задранным носиком, и огромными печальными ореховыми глазами.

Твою мать!

Впервые воображение даёт осечку.

Тяжело вздыхаю, пытаюсь вернуть себя в нормальную медитацию. На реальную женщину у меня сейчас нет ни времени, ни денег, ни желания.

Если честно, устал бороться с Алёнкой. Она ревнует меня ко всему женскому полу. Два раза пытался привести в дом жену, но оба раза мой чертёнок изгонял

их из ада...то есть из дома.

Воображение рисует очертания блондинистой женщины с пышными формами. Касаюсь лица красоты:

– Смотри на меня! – шепчу ей.

Она вскидывает ... свои испуганные карие глазёнки.

Пытаюсь её обнять, а она затравленно пятится назад, мотая головой с рыжими кудряшками бесноватыми кудряшками.

Льну к женщине. Касаюсь женских волос щекой. Мягкие пряди касаются моей шеи, становится щекотно и сладко.

Перестаю бороться с собой, целую «то», что подкинуло моё воображение.

Губы мягкие, влажные, податливые...

В рабочий чат падает сообщение. Дзинь.

– Какого ляда? – нехотя распахиваю глаза, смотрю на часы.

Время 17.59. До конца рабочего дня ровно одна минута.

В обычный день я бы открыл файл, не задумываясь. Но сегодня намерен провести вечер с дочуркой.

Выключаю компьютер, поднимаюсь из уютного кресла. Растягиваюсь. За день всё тело затекло. Сегодня провёл день за бумагами, отчётами, допросами.

Мобильный разрывается. Приходится ответить:

– Удальцов.

– Демид, я отправил тебе файлы по Злате Чайкиной. Сочинские ребята из УГРО раскопали в архивах двухлетней давности. Удивись! Бумаги-то под грифом Секретно. А это значит, что расценки за информацию другие.

– Сочтёмся, – глухо отвечаю я.

– Ты уже читаешь? Закачаешься, да. Вот это переплёт! Агата Кристи отдыхает.

– Уваров, я сегодня не в том состоянии, чтобы изучать эту Чайкину, мне к ребёнку надо, – остужаю пыл друга. Не буду же обсуждать с ним по телефону матёрую преступницу.

– Ладно! Передавай Алёнке от меня привет. Может, на следующих выходных вы к нам на дачу заглянете?

– Попробую вырваться! – кладу трубку. С жадностью смотрю на выключенный компьютер. Так и подмывает включить и почитать дело Чайкиной.

Вместо этого застёгиваю китель, двигаюсь на выход из управления.

По дороге заезжаю в цветочный магазин, покупаю малышке букет ярких оранжевых цветов.

Через тридцать минут уже вхожу в квартиру.

Запах, исходящий из кухни, – крышесносный. Мясной, как я люблю.

– Татьяна Ивановна, – пахнет волшебю. – Вы – богиня кухни.

– Так себе комплимент! Раздевайся, мой руки, – приказывает мне как ребёнку. – У меня котлетки.

– Где Алёна? – с тревогой спрашиваю у няни, когда она выходит в холл.

Обычно моя неугомонная обезьянка встречает меня у дверей, а сегодня я её даже не слышу. Тут же начинаю беспокоиться как мать-наседка.

– В спальне спряталась, весь день носа не показывает. Тревожно как-то, после того что случилось...

Осторожно приоткрываю дверь, наблюдаю, как моя девочка играет в куклы:

– Мамочка, ты не бойся. Мы с папой приедем и заберём тебя из цирка.

– Дочка, скажи папе, что я Вас жду.

Снова играет в дочки-матери. Опять накатило, скучает по блудной мамке.

Подхожу, тихонько зову:

– Алёнушка, – протягиваю букет ярких цветов.

Дочка радостно вскакивает, убирая упавшую светлую прядь волос с глаза.

А затем замирает, будто что вспомнила. Дует пухлые губки, ставит руки в боки:

– Мы должны забрать Золотце из цирка!

Удивлённо взираю на дочь. Такой обиженной я её давно не видел.

– Пойдём, – тяну малышку за собой на кухню.

– Тётя Таня пожарила котлетки с пюрешкой!

Есть хочу, аж слюнки текут от запахов, которыми пропиталась вся квартира.

Но знаю наверняка, пока не успокою малую, ужина не видать.

– Не хочу котлетки, – топает ножкой, кусает губы, щурит глазки, как взрослая.

От её потуг быть похожей на меня становится тепло на душе.

– А что ты хочешь? – стараюсь сохранять спокойствие.

– Жареных крабиков. Мы пойдём в цир, заберём Злату, она пожарит нам сосиски.

Хмрю брови, начинаю терять терпение.

Эта рыжая бестия с дурацкими кудряшками раздражает меня с каждой минутой всё больше и больше.

Вроде я должен радоваться, что закрыл её решением суда на два месяца.

А вот ни в моей жизни, ни в моём воображении покоя нет. Наоборот!

Кудряшка ворвалась в нашу с Алёнкой Вселенную и разорвала её пополам, на «До» и «После».

– Демид, – иди сюда, кричит меня тётя Таня.

– Да, – захожу на кухню.

Сжимая губы, женщина впивается озадаченным пристальным взглядом. Указывает на стул.

– Сядем. Поговорим серьёзно!

Сажусь. Смотрю на женщину, ей чуть за сорок, а строит из себя мою мать. Изумительно!

– То, что случилось сегодня ночью выходит за рамки нормального.

– Ну да, – соглашаюсь скрепя сердце. – Работа такая. Я должен служить людям.

– При чём здесь это? – она всплёскивает руками.

Замираю, всматриваюсь в её испуганные наполненные слезами глаза.

– Если бы у Алёнушки была мать! Она бы засудила этого козла Макарыча, заставила водить псину в наморднике. А эту Галю наказала бы так, что та забыла бы о мальчика навсегда!

Ух, ты! Столько агрессии в тёте Тане не замечал никогда. Обычно молчаливая, спокойная, исполнительная, сегодня как с цепи сорвалась, готова судить всех вокруг.

Нате! Получите майор Удальцов!

– При чём здесь псина? Макарыч? Галя? Её мальчики? – удивлённо взираю на женщину.

– Весь двор судачит, а ты – мент... прости, полицейский, не в курсе того, что случилось сегодня ночью?

– Я так понимаю, Вы хотите меня проинформировать. Конечно, в наше время соседи знают о нас больше, чем мы сами! – ехидно цежу я, задетый за живое.

Тяну руку, чтобы взять котлетку, тут же получаю лёгкий шлепок по руке.

Ого!

Няня явно не шутит.

Глава 5

Злата

Двери автозака закрываются, сотрясая воздух внутри пыльного фургона.

Жизнь второй раз делится на «До» и «После».

Лязг запираемых запоров проникает прямо под кожу.

Вжимаюсь в спинку сиденья. Вхожу в ступор...

Снова теряю связь с реальностью.

Что происходит? Почему меня везут в закрытом фургоне?

Где Наташенька? Слава с ней? Они не возвращаются с рыбалки уже два дня!

Почему полиция ничего не предпринимает?

Автозак трясёт на ухабе, и я ударяюсь плечом. Тут же прихожу в себя.

Меня! Злату Чайкину обвиняют в похищении живой девочки? Это полный бред!

В фургоне так душно и пыльно, что начинаю кашлять. Пытаюсь дышать, но вместо воздуха в лёгкие попадает пыль.

Стискиваю зубы. Лучше не дышать!

Затравленным взглядом осматриваю фургон. Это уже второй раз в жизни! Когда приходится прокатиться в подобном. Был и первый...

Толчок. Машина останавливается. Лязгает замок. Дверь распахивается.

– Чайкина! На выход! – прихожу в себя, поднимаюсь.

Послушно выбираюсь из фургона.

Июльское полуденное солнце припекает, и я успеваю насладиться его лучами, пока не получаю толчок в руку.

Дёргаюсь, будто электрошокером ударили. Нервы на пределе.

Плохо соображаю, но повинуюсь. Иду вперёд.

Проходим двор, входим в тусклое мрачное помещение. Меня догоняют окрики:

– Лицом к стене!

– Расставить ноги!

– Раздевайтесь!

Такого ещё в моей жизни не было!

Сначала чудовищный допрос... Теперь жуткий досмотр... Переодевание в тюремную одежду...

Я многое в жизни прошла. Но с унижениями встречаюсь впервые.

За спиной гулко захлопывается железная дверь. Понимаю, что этот звук не забуду никогда.

Замок запирают. И сердце ухает в бездну.

Это всё!

Потому что денег на адвоката у меня нет. А справиться с майором, повёрнутом на дочери, мне явно не удастся.

Хотя, стоп! Есть ещё право на звонок.

Неужели придётся просить помощи у главного врача моей больницы?

О звонке я подумаю завтра. Если есть возможность подать жалобу, и выйти под залог! То надо воспользоваться этим правом.

Решительно поднимаю глаза, осматриваю камеру на четверых в изоляторе временного содержания.

Вдоль стен стоят двухъярусные кровати, заправленные коричневыми байковыми одеялами. Почти под потолком небольшое окошко с решёткой.

Ёжусь. Внутренности стягивает жгутом.

Скольжу взглядом по серым некрасивым женским лицам. Три пары глаз нагло уставились на меня.

Встряхиваюсь, пытаюсь прийти в норму. Меня трясёт так, будто озноб начался. Боюсь, что сегодняшний нервный срыв во время допроса у майора, не прошёл бесследно для моей покалеченной психики.

– Привет, подруга! Чего застыла? Иди к нам знакомиться! – щебечет одна из сокамерниц.

– Здравствуйте, – несмело бормочу я. И до меня доходит, что теперь это моя новая семья, с членами которой мне жить два месяца.

Иду к свободному спальному месту.

– Можно я займу эту койку?

Одна из них новых подруг кивает.

Наверное, она старшая... Вздыхаю, тяжело брякаюсь на нижнюю шконку.

– Я Катя, – произносит та, что разрешила занять койку.

– Злата. Чайкина.

– По какой статье? – со знанием дела цедит худощавая коротко стриженная.

Молчу. Не знаю, по какой статье...

– За что загребли, спрашиваю? – усмехается она.

– Ни за что, просто так! – выпаливаю в сердцах, всплёскивая руками.

Женщины дружно ухмыляются.

– Мы все тут ни за что!

– Меня майор обвинил в похищении дочери Алёны. А я нашла её в кустах. Привела к себе, накормить, обогреть. Просто не успела позвонить в полицию.

Раздаётся потрясённый свист.

– Кудряшка! За что майор-то на тебя такую поганую статью вешает. Насолила ему где-то?

– Милашка, ты такая хорошенькая! Может, отказала мужику, вот он и отомстил! – встряла в разговор одна из сокамерниц.

– Я этого майора в первый раз в жизни вижу! – отнекиваюсь испуганно.

– Вывод! – Катя грозит пальчиком, – Чужой ребёнок – не собачка, нельзя тащить к себе в дом!

– Да я только сосисками хотела её накормить! Наташенька очень их любит...

Катя цыкает на расшумевшихся подруг. Они замолкают.

Раздумываю, следует ли рассказывать всё? Я ведь их совсем не знаю, а дело «моё» до сих пор не закрыто...

– Наташа – это кто?

– Сестра младшая. Она сейчас уже выросла, уехала в другую страну.

Больше вопросов ко мне нет. С облегчением вздыхаю, когда от меня отстают.

А то я чуть не проболталась!

Сажусь на кровати по-турецки, смотрю на решётчатое окно и думаю:

Зачем сосед, и чернявая малолетка оклеветали меня? Чудовищная бессовестная ложь! Понятно, что у каждого была веская причина. Но какая?

Как же низко, подло, жестоко играть чужой жизнью!

О чём думал этот психанутый старик с одичалой собакой?

А эта девочка, только начинающая жизнь?

Не укладывается в голове. За гранью моего понимания...

Сцены допроса крутятся в мозгу. А перед глазами стоят холодные голубые глаза Демида Удальцова.

В его глазах ненависть, мгла, шторм. Он упрекает меня, обвиняя в том, чего я не совершала.

Судья под давлением майора выносит приговор:

– Два месяца лишения свободы.

За что? Я ни в чём не виновата!!

Кусаю губы, истерично пытаюсь вытянуть кудряшку пальцами, но она пружинит и вырывается из рук.

Чёртовы кудри! Такие же как у моей Наташки.

Когда доченька была жива, я выпрямляла свои волосы и осветляла их.

А после... (последние два) года вернулась к натуральным волосам.

Зачем? Хочу смотреть в зеркало, видеть рыжие кудри. Чтобы не забывать!

Когда острая боль пронзает мою душу, тогда сердце и память помнят!

Только в эти минуты я чувствую, что живу. И не ощущаю за это вину!

В десять вечера объявляют отбой. Ложимся спать. За день умаялась, моментально засыпаю.

Просыпаюсь утром по звонку, умываюсь. Смотрю в решётчатое окошко. Оно как ниточка связывает меня с волей и с жизнью.

– Завтрак! – разносится громогласный голос по коридору.

В камере оживление.

Через окошко, прорезанное в двери, нам подают тарелки с кашей, кружки с какао, хлеб с маслом и сыром.

Щедро!

С удовольствием ем. Я ведь вчера не успела съесть ни одного крабика.

Улыбаюсь, вспоминая Алёнку.

Затем жалею её. У этого милого создания такая чокнутая семья!

Сразу после завтрака дверь камеры распахивается:

– Чайкина на выход с вещами!

– Что случилось? – едва владею голосом.

Глава 6

Демид

Недоуменно смотрю на тётю Таню. Такой решительно настроенной я её не помню.

– Что судачат во дворе? – ожесточённо спрашиваю у неё.

Если наша няня считает, что я – профи должен верить в сплетни, окружающего мира, тогда выслушаю.

Женщина смотрит на меня выразительно.

– Вчера сосед из жилого комплекса «Ласточка» приходил к своей зазнобе в наш подъезд. А с собой он Шарика привёл!

– Шарик, – это тот рыжий питбультерьер? Морда, как у твари. Смотришь на неё, и, кажется, что псина готова самостоятельно прокормить не только себя, но и хозяина?

– Он самый! А ты слышал, что вся округа стонет от этих двоих. Злыдни! Ходят без намордников.

– Который из них? – шучу.

Но тётя Таня не реагирует, хмурит брови.

– Оба!

– Это как? – округляю глаза.

– Хозяин людям житья не даёт, а питбуль – детям!

– ЖК «Ласточка» в пятистах метрах от нашего дома! Притом комплекс огорожен забором.

– Щас! – женщина всплёскивает руками.

– Он псину свою в наш подъезд вчера притащил. И отпустил погулять. Одну. Пока развлекался с соседкой!

– Он же старый? – упёрся я, не понимая, при чём здесь моя семья. – Какие шуры-муры?

– Демидка, ты, что упоротый такой? Может, чай они пили. Под каждую юбку не заглянешь! А случилось это «дело» ровно в два ночи!

– Откуда поминутная информация? – опешил я.

Наши камеры какой-то говнюк разбил. Именно вчера. Не люблю я совпадения. Вот и вчера подумал, что Серый всё подстроил, на пару с подельницей.

– Соседка в глазок увидела.

Ничего себе! Я до сих пор не получил официальную информацию с камер!

Вернее, получил, но решил не вскрывать электронное письмо до утра. Не к спеху.

Чайкина сидит. Расколю её как грецкий орешек – сдаст Серого с потрохами.

Алёнушка дома.

– И-и? – бросаю нетерпеливые взгляды на алые помидорки и зелёные попки свежих летних огурчиков, которые расселись в идеальном порядке в тарелках.

– Баба Валя из второго подъезда видела, как «Шарик» в два часа ночи гнал Алёнку по улице.

– Чего? – более нелепой легенды даже представить не мог. – Тётя Таня! Ты смотри, не ври мне. Тебя кто-то попросил Злату Чайкину защитить?

– Эх, ты! Следовательно! Не совестно тебе? Закрыл на два месяца невинную девушку?

Злюсь.

– Смотри! – тётя Таня двигает ко мне телефон, юзает ватсап, выбирает нужное видео, нажимает на стрелочку запуска ролика.

Подобного зрелища я не ожидал...

Меня всего затрясло, едва я опознал в бегущем от собаки ребёнке Алёнку.

Впившись ногтями в скатерть, побагровел.

Но это было не всё!

Кажется, мои «любимые» соседи, которым я слишком сильно доверял, решили меня добить.

Едва дочка скрылась, как во дворе появилась ночная няня Галя с парнем.

Может, они побегут за ребёнком?

Кольнуло нехорошее предчувствие. Ошибся. Парочка застыла посреди двора в крепком засосе, а потом, как ни в чём не бывало, направилась в подъезд.

Волоски на шее встали дыбом.

– Тварь!

– Кто из них? – прошипела дневная няня.

– Все! Галя! Сосед! Шарик! Наказать их надо? Да?

Взглянув на Татьяну Ивановну, возникло ощущение, что её сейчас от гордости расплющит.

Не ответив, женщина перевела взгляд на сковороду с котлетами.

– О женщине нужно подумать в первую очередь? – указала она на мой промах.

– О какой? – выпаливаю я.

От гнева, переполняющего меня, перестал соображать совсем. Готов спустить на головы этих троих все небесные кары. Собственноручно.

Демид

Свидетели не просто дали показания, в которых я заблудился.

Они сняли с себя ответственность, подставив невинного человека. Всё как в плохом кино!

А меня выставили идиотом!

Галя – ещё тот хамелеон. Было видно по её глазам, что хочет рассказать правду. А потом вдруг решила поменять показания.

А сосед – гадёныш!

Заставлю его пса до конца дней ходить в наморднике по улице. Если надо будет, охрану приставлю.

Алёнка – маленькая вредина, могла же ночью рассказать, что случилось! А то всё несла какой-то бред, что тётя Злата хотела познакомить её с Наташей, поэтому привела к себе домой.

– Демид, не думала, что ты чёрствый сухарь! – выдаёт няня, раскладывая по тарелкам пюрешку с котлетками.

– Тётъ Тань! Не лезь под кожу!

Непосвящённым в наши отношения подобное общение покажется фамиллярным. Но мы-то знаем, что я заменяю ей сына, который живёт и служит на чужбине, она мне – мать.

Тяну руки за куском хлеба.

– Руки убери, – няня осуждающе смотрит на меня. – Златушка голодная там, небось.

С моих губ срывается вздох!

– Ну, ошибся! С любым следователем может случиться подобный казус.

Не привык слушать от Татьяны Ивановны упрёки в свой адрес. А тут нате! Выслушайте! Распишитесь, гражданин начальник!

– Слушай меня, плохого не подскажу. Езжай, забирай свою Злату Чайкину!

– Хорошо, – цежу я. Зная точно, что не поеду сам.

Как я посмотрю ей в глаза?

– Папочка, мы за Золотцем едем? – от дверного проёма отделяется хрупкая фигурка дочери в жёлтом платице.

– Егоза! Давно здесь стоишь?

Прокручиваю в уме, что она услышала. Что могла запомнить.

– Едем...

– Сейчас? – голубые глаза задумчиво глядят.

– Завтра утром.

Отдаляю час расплаты. Завтра суббота. Обычно с утра мы идём в парк. К этому моменту дочь забудет про наше, скажем так, «необычное дело».

– Хорошо! Успею.

– Что успеешь?

– Нарисовать рисунок!

Твою дивизию! Теперь точно не забудет. Рисование для неё святое занятие.

И если дочка хочет посвятить рисунок Кудряшке, то пиши, пропало.

Может, поспорить с няней и дочерью. Объяснить им, что не могу ехать в СИЗО сам.

Бесполезно!

Прекрасно знаю, что есть у меня дурная привычка, идти наперекор чужим словам.

Но давно уяснил, что с женщинами лучше не спорить. Вроде победил в споре, а чувствуешь кожей, что особа вампирских кровей всю кровушку- то из тебя успела выпить, пока ты правду-матку отстаивал.

Игнорировать молчаливые женские знаки и перемигивания тоже не стоит.

Вступать в открытый бой также.

Обычно я молчу, наблюдаю, как победительницы сияют, и делаю по-своему.

Но в этот раз вижу, что выскользнуть не удастся. Придётся принимать удар на себя.

– Я поеду с тобой, – Алёнка сжимает губки, и суживает глаза. Чтобы казаться серьезнее.

Ошарашила меня окончательно.

– Хорошо, дочь. – Проще согласиться.

– У меня будет новая мама, – роняет мимоходом Алёнка и уходит к себе в спальню.

– Алёна, кушать! – кричу бессильно в след маленькой барышне.

– Бррр! – жмёт плечами.

– Рисовать пошла. Для новой мамы, – уточняет няня.

Да слышал я! Не глухой! Давно осведомлён, что весь двор болтает о том, что нужно меня женить...

Даже отбор невест устраивали. Только этап собеседования с Алёнкой ни одна не прошла!

После того как мне стукнуло двадцать семь, а Алёнке пять, тема с моей женитьбой с целью привести в дом маму встала остро, одолев женские умы всех близких и не очень для меня женщин.

Свахи!

Заклятые невесты!

Как же они меня достали! Едва удалось увильнуть от ... наказания в лице новой жены.

– Алёнке нужна мама... – тётя Таня сыплет аргументами, заряжая меня на подвиги.

Но делает она это профессионально.

На мой сытый желудок...Уплетаю за обе щеки котлетки.

Киваю послушно головой.

А в мыслях она. Кудряшка.

Глава 7

Злата

Меня выводят в мрачный коридор изолятора.

– Лицом к стене! Руки за спину, – окрик бьёт по нервам.

Неужели меня отпускают?

На запястьях снова застёгивают наручники.

Зачем? Если я выхожу.

– Направо. Пошла вперёд.

Послушно иду. С ужасом осознаю, что мы отдаляемся от выхода, углубляемся в лабиринты коридоров СИЗО.

Что происходит? Чувствую, что истерика на подходе.

– Стоять. Лицом к стене.

Охранница открывает дверь камеры.

– Пошла!

Вариантов нет, от предложения не отказаться. Вхожу в камеру.

Одиночка.

Одна кровать.

Одна тумба, стул. Раковина, туалет за ширмой.

– Что происходит? Вы же сказали на выход с вещами.

– Просили тебя перевести из камеры на четверых. Подальше от Кати. Очень она любит красивых девочек. Как ты.

Я поёжилась.

– До понедельника будешь сидеть одна. Твоему следователю так спокойнее.

– Что произойдет в понедельник?

Майор хочет убедиться в том, что моя шкура останется цела.

Всё ради того, чтобы самому вцепиться.

– У меня есть право на один звонок!

– Передам руководству, а ты пока располагайся. Будь как дома!

Остаюсь одна.

Я люблю одиночество в домашних стенах. Но тюремная камера наводит на меня смертельный ужас. Мне тяжело здесь одной.

Ложусь на кровать, сворачиваюсь калачиком.

Прикрываю глаза.

Два года назад

Муж снова пришёл с работы в растрёпанных чувствах.

Обвиваю его шею руками, целую в щёку.

– Стас, мы по тебе соскучились! Почему так поздно?

Мне двадцать три, я студентка медицинского, мать пятилетней девочки, счастливая домохозяйка. Живу в красивом белом доме у Черного моря, выращиваю цветы.

– Натуля спит?

– Час ночи! Она ждала до последнего, так и уснула сидя на диване в холле.

– Прости, родная. Ты же знаешь, что деньги легко не достаются! Рыба сама себя не ловит.

– Раньше всё было по-другому! – от обиды закусываю нижнюю губу. – А сейчас когда твой рыбный бизнес вырос, тебе не до нас! У тебя никогда нет времени!

– Милая, завтра суббота. Предлагаю провести семейный день на яхте. Натуля давно просилась на рыбалку.

– Ты нарочно предлагаешь субботу? Прекрасно знаешь, что я дежурю в больнице!

– Ты работаешь медсестрой! Для души! Попроси, чтобы заменили.

– Нет! Стас, мне не нравится как ты поступаешь со мной! Важен только ты. А мои планы, чаяния всегда идут к чёрту! Ты даже любимую дочь обманываешь!

Мы тебе не важны!

Из глаз катятся жгучие слёзы.

Я так сильно люблю мужа, что прощаю ему всё! Но он совсем обнаглел, и сел на шею. Пора дать ему отпор.

– Котёнок, прости! Хочешь, я завтра Наташу отвезу на рыбалку. Давно не проводил с дочерью целый день!

Я перестала плакать. Моя маленькая Кудряшка давно мечтает о дне с папой и рыбалке.

– Правда?

– Клянусь, – муж целует меня в носик.

Утром я ухожу на смену в больницу. Целую спящую дочь в щёчку.

Если бы я тогда знала, что больше никогда не увижу ни ее, ни мужа.

Они не вернулись с рыбалки ни в этот день.

Ни на следующий.

А через два дня яхту нашли в открытом море.

Пустую...

Следователи постановили, что мужа и дочь унесло течением...

Это был конец.

Но я не верила. Не сдавалась. Даже когда через полгода закрыли дело, продолжала поиски собственными силами.

Злата. Полтора года назад

Держу себя в руках до последнего. Пытаюсь сохранять здравый рассудок. Удаётся до тех пор, пока в мою жизнь не вмешивается «случай».

Всё началось с момента вступления в наследство. Ровно через шесть месяцев пришло время вступать в права.

Мужу принадлежало форелевое хозяйство в Сочи и Адлере, и крупный племенной форелеводческий завод под Адлером, куда я меня пригласили для подписания документов.

За мной заехал адвокат мужа.

– Злата Дмитриевна нас уже ждут.

– Нотариус?

– Не только! Ещё и кредиторы Вашего покойного мужа.

Я вздрогнула при упоминании Стаса и проблем.

– Ваш муж занял крупную сумму денег на покупку актива. Это случилось накануне несчастья.

– Какой актив? – безразлично интересуюсь. Не ради интереса, так по инерции.

Друг семьи трясёт рыжей головой, чешет рыжую бороду.

– Боюсь, что Станислав унёс эту информацию с собой.

Хмурю лоб.

– То есть муж занял большие деньги накануне несчастья? Купил актив и записал его на подставное лицо? Или вообще не успел совершить сделку. Тогда напрашивается вопрос, где деньги?

Мне это всё не нравится. Голова гудит от мыслительного процесса.

Адвокат пялится в окно.

– Что сказал следователь по данному факта?

– Ничего! – буркнул Антон. – Посчитал, что «данный» факт к делу не относится.

– Почему? – упрямо шиплю я.

– Потому что это был несчастный случай!

Не спорю. Нет сил.

Садимся в серебристый седан, едем в Адлер. Всего двадцать километров отделяет мой дом от того места, где сутки напролёт проводил на работе муж.

А я не была в этом районе сто лет.

Потому что там находится центр развлечений «Сочи Парк», который обожала Наташа.

Приезжаем на завод. Бреду туда, куда мне указывают.

Подписываю то, что дают.

– Вы понимаете, что сейчас своими руками отдаёте завод?

– Ну и что? Остаются оба форелевых хозяйства. Мне и они ни к чему, но родителям Стаса нужна материальная поддержка.

– Как хотите! – цедит адвокат. – Со мной Вы уже рассчитались.

Бросаю быстрый взгляд на мужчин с бандитской внешностью, с которыми подписываю договора.

Один вопрос. Почему Стас имел дела с таким отребьем?

Они же страшные люди. От них исходит запах опасности.

Неужели он не мог получить кредит в банке как честный бизнесмен.

Всё! Хватит! Злата, даже не думай о них, – убеждаю себя. Поднимаюсь из-за стола. И медленно бреду на выход.

– Злата Дмитриевна. Вы куда? – адвокат зовёт в автомобиль мужа.

– Не хочу. Дойду пешком!

Сердце рвёт на куски и тянет туда, где была ... она. Бреду по району. Не вижу куда.

Ни капли не удивляюсь, когда оказываюсь у входа в «Сочи Парк».

– Злата, не стоит туда идти, – умоляю себя.

Но глупые непослушные ноги идут вперёд. Уже темнеет. Но сегодня тепло, поэтому народа в парке много. Прохожу американские горки, сворачиваю к пруду.

Вот она, наша карусель.

Приближаюсь. Смотрю в упор на «бегущих» белых коней, несущих вдаль седоков.

Взрослые визжат как малые дети.

Дети улыбаются, машут ручкой родителям, фотографирующим их.

Мой взгляд залипает на девочке. Рыжие кудряшки вырываются из-под красного берета. Полы алого плащика раздувает на ветру.

– Наташа! Наташа! – бегу по кругу вместе с лошадьми.

На меня уже оборачиваются.

От быстрого бега кружится голова, в глазах рябит. Спотыкаюсь. Падаю на асфальт.

– Девушка, Вам плохо? – меня бьют по щекам.

– Я нашла дочь! – сиплю и медленно поднимаюсь. В недоумении смотрю на остановившуюся карусель. Все лошадиные сёдла пусты. «Седоки» уже спешились.

Бегу к выходу из Парка, бросаюсь к каждой девочке в красном плаще.

– Наташа!

Оборачивается. Не она.

– Простите, – шепчу я. Пячусь к выходу.

Наутро приезжаю к следователю.

– Вчера в Сочи Парке я видела дочь. Она жива! Понимаете? Жива! Немедленно откройте дело! Найдите её!

Рыдаю...

Дни и ночи превращаются в бесконечные рыдания и поиски Наташи.

Мне никто не верит...

Хожу по городу одна, как неприкаянная, пока родители Стаса не принимают решение спасти меня.

Выбирают хороший диспансер... где лечат расшатанные нервы.

Глава 8

Демид

Едва открываю глаза, как вижу дочку, стоящую у изголовья. Нарядилась в оранжевое любимое платье. Уже и заляпать его успела... Зубная паста растеклась по рюшкам.

Суёт мне под нос рисунок.

– Дочь, – открыв узкие щелочки глаз, протягиваю руку к сокровищу, глажу по светлой головке. – Время сколько?

– Папочка, маленькая стрелка там «где надо»!

Понятно! 9 утра.

Суббота!

А-а! Хочется закричать. Но молча улыбаюсь.

Затем внимательно смотрю на рисунок. На нём нарисован я. Типа, я, дочь и... доставучая Кудряшка. А рядом с нами деревья и солнце над головами.

Тут же вспоминаю, что сегодня необычная суббота.

Медленно и верно возвращаюсь к действительности.

Вспоминаю о том, что как приличный человек должен вытащить бедную девушку из СИЗО.

Неприятно ёжусь, воскрешая в памяти некрасивые сцены задержания Чайкиной.

Мда!

На месте Златы, я бы держался подальше от такого как я. До сих пор вспоминаю, как она смотрит на меня карими блестящими глазами, полными слёз. Молит о пощаде.

– Мы поедем за Золотцем! – дочка требует, стискивает кулачки.

– Малыш, сегодня её не выпустят.

– Почему? – притопывает ножкой. – Ты там самый главный! Побей всех и выпусти её!

– Алёнушка, так дела не делаются. Судья должен подписать сначала бумажку. А для этого я должен заставить двух «редисок» подписать честные бумажки.

– Правда? – щурит голубые глазки.

– Клянусь! Не обидишься, если мы с тобой сегодня в парк не пойдём. Отпустишь папу на работу? Я отвезу тебя к няне Тане на пол пару-тройку часиков, – прикладываю два пальца к губам. Это наш опознавательный знак доверия.

Неприятно отказывать дочери в субботней прогулке. Пытаюсь объяснить перед маленьким человеком, чтобы он всё понимал уже сейчас.

Кажется, она даже не замечает той мелочи, что я лишил её любимой прогулки в парке, катания на качелях, мороженого. Её интересует одно! Когда мы заберём Кудряшку.

Смотрю на Алёну, и отцовское сердце щемит. Когда моя дочь успела повзрослеть? Может, это отпечаток того, что растёт без матери.

Чувство вины подгрызает мою плоть изнутри. Ланка просила, чтобы я отпустил с ней дочь в Америку.

Я отказал!

Алёна слишком несговорчива, и как объяснить этому маленькому придирчивому чуду, что суд в выходные не работает, не знаю.

– Малыш, мы в понедельник заберём Злату. Обещаю!

– Обещаешь? – небесные глаза смотрят в упор. Будто пытаются оставить след на моей душе.

– Обещаю!

Тяжело вздыхаю!

В понедельник весь город будет гудеть о моём провале.

Позорище! Майор Удальцов ошибся! Посадил невинного... Как бы дурная репутация ко мне не приклеилась!

Разве это моя вина?

«Повезло» со свидетелями!

Отвожу дочь к Татьяне, еду на работу. Через час уже захожу в отделение. Прямоком направляюсь к обезьяннику. За решёткой сидят любимые соседи.

– Неплохо смотрите!

– Да мы на тебя заявление напишем! Всю ночь продержал нас за решёткой!

– А мне кажется, что мы квиты! – нагло ухмыляюсь. Киваю охране головой. – По одному ко мне в кабинет.

Едва справился с эмоциями, не бросился на соседей-недоброхотов Чайкиной. Повезло им, что решётка защитила!

Своими руками бы наказал...

Обречённо вздыхаю. Нельзя! Я выбрал законные методы борьбы с подобными им.

– Галина, ты хоть понимаешь, тебя ждёт серьёзное наказание?

– А что? Оштрафуют и всё! Я же несовершеннолетняя.

– Коза ты малолетняя! – шиплю гневно. – Молись, чтобы Чайкина на тебя заявление не накатала за дачу ложных показаний.

Ну ладно, эта хоть молодая дурында, а старик-то куда!

– Мужик, ты осознаёшь, что твой зверь чуть не загрыз мою дочь?

– Что ты майор! Он у меня добрый. Играл...

– Играл? Серьёзно? – я ударил кулаком по столу. Меня аж пот прошиб от человеческой наглости и подлости. – Последнее предупреждение! Если хоть одна человеческая душа увидит твою собаку без намордника, то ...

– Что? Угрожаешь, товарищ начальник!

– ... то оба будете ходить в намордниках. Клянусь! – цежу я.

– Я буду жаловаться!

– До свидания! Не прощаемся!

Как только свидетели исчезают с глаз долой, торопливо открываю секретный файл с делом семьи Чайкиной. Ровно два часа изучаю материалы.

Слов нет, одни эмоции. А на языке – маты.

Смотрю на часы. Время 16.00. Моя Конфетка уже извелась там. Выключаю компьютер и вылетаю стрелой за дверь.

Еду в машине за дочерью к няне, думаю о том, как наказать соседей так, чтобы запомнили на всю жизнь. И неповадно им было вредить обществу.

Жалею ли их? Нет.

Если у них нет щепотки уважения к людям, почему я должен заботиться об их благополучии?

Зря они меня разозлили, задели за живое. Я человек негневливый, но бываю вспыльчивым.

Из-за этих гадов, влип в неприятности. Чуть не получил инфаркт из-за дочери. Перепутал личное со служебным. Возможно, потерял репутацию хорошего следователя...

Глава 9

Демид

Воскресенье проносится незаметно, но сложновато для моей «истерзанной» плоти.

Хочу поваляться, но куда там! Приходится весь день молить богов о том, чтобы поскорее наступило завтра.

Прилипчивая Алёнка весь день бродит за мной как хвостик.

– Папа, скоро завтра?

– Скоро.

Блондинка подходит, тычет пальцем в циферблат будильника.

– Вот, через столько?

– Нет!

– Через столько? – снова крутит пальцем маленькую стрелку.

– Алёна! Не сбей стрелки! – бурчу недовольно.

Смотрю на дочурку обречённо. Затем выглядываю на улицу. Июль. Погода прекрасная. Не больно-то хочется выходить из берлоги, но может, прогулка остудит её пыл.

– В парк пойдём?

– Неть! – размахисто крутит головкой. Подходит к холодильнику, пытается открыть.

Помогаю, заглядываю в морозильного монстра. И душу затапливает счастьем. Пиво...

Домысливаю дальше – футбол, варёные креветки.

Достаю из морозилки мороженое.

– Это хотела?

– Угу.

– Подожди, согрется, – ставлю крем-брюле в стаканчик.

Понятное дело, что футбол дочь так и не даёт досмотреть. Снова притащила будильник.

– Скоро завтра?

– А-а! Давай милая, ляжем спать. Тогда завтра наступит быстрее.

Соглашается. Нехотя отрываю пятую точку от дивана, беру ребёнка на руки.

Хочется плакать, когда понимаю, что пропустил голевую передачу.

Тёплые маленькие ручки обвивают мою крепкую шею. И сразу всё вокруг становится неважным. Несу своё сокровище в кровать.

– Сказку? – уточняю, усаживаясь рядом. Поправляю заботливо тонкое летнее одеяльце.

– Да, про эльфов.

– Конечно! Только ты закрой глазки, иначе эльфийское благословение не придёт.

– Папочка, мы возьмём себе завтра новую мамочку?

– Алёнушка, Злата не живая кукла, она человек. Если не захочет, то не пойдёт к нам.

– А ты у неё не спрашивай, так бери!

Наутро просыпаюсь от громких причитаний няни Тани.

– Демид, ты чего спишь? Время 10.00 На службу не пора?

В ужасе продираю глаза, смотрю на будильник. Алёнка – стрекоза! Так и переставила стрелки будильника.

– Где она? В садик-то опоздали.

– Примеряет платья у себя.

– Куда наряжается? – рычу недовольно.

Перед уходом залетаю в спальню к дочери. Крутится перед зеркалом в ярко-жёлтом платице.

– Принцесса! Я тороплюсь. Поцелуй папочку в щёку.

Дочка целует.

– Хочу кудряшки, – показывает на плойку.

Она желает быть похожа на Кудряшку? Этого ещё не хватало. Морщусь.

– Малыш, тетя Таня завьёт тебе кудри.

Стремительно покидаю квартиру.

Суд уже прошёл. Значит, Чайкину освободили. Нужно успеть в СИЗО, чтобы перехватить её на выходе.

Падаю на водительское сидение служебной тойоты. Давлю на газ, выруливаю из двора.

Через час подлетаю к воротам изолятора на своей ласточке. Паркую авто, при этом чувствую, как капот въезжает во что-то мягкое. Резко останавливаюсь.

Вылетаю из автомобиля, и в недоумении наблюдаю за тем, как Злата Чайкина поднимается с асфальта, отряхивается.

– Вы издеваетесь да? Не смогли посадить, так решили задавить? – шипит на меня коброй.

Что за напасть такая!

– Я не нарочно хотел Вас убить...

Блин! Не то сказал.

– То есть Вы признаёте, что хотели лишить меня жизни. Что ж! Валяйте!

– Да что Вы несёте! Я приехал за Вами.

– За мной! Вы ведь не думаете, что после всего я сяду к Вам в автомобиль?

– Почему нет? – непонимающе жму плечами.

– Или Вы наглец или...

Она явно хочет сказать что-то очень плохое. Еле сдерживается, кусая губы.

Пока девушка подбирает слова, открываю дверцу пассажирского сидения, заталкиваю её в утробу авто. Пристёгиваю ремнём безопасности.

– Да как Вы смеете меня трогать после всего, что между нами было! – верещит девушка, при этом её кудряшки мило дёргаются, напоминая мне причёску Медузы Горгоны из мультика.

Непроизвольно протягиваю руку и зажимаю один локон в руке. Затем вытягиваю его и пытаюсь распрямить.

Отпускаю, и кудряшка вновь собирается в пушистую живую пружинку.

Злата озадаченно кружит по моему лицу ошалевшим взглядом. Я только сейчас замечаю, насколько у неё красивые глаза – тёмно-ореховые с чаинками.

Хлопает на меня пушистыми ресничками.

Беззвучно открывает рот с пухлыми губками.

Нервно сглатываю застрявший в горле ком, и иду к водительскому месту.

Падаю на сидение, обнимаю руль. Стараюсь не смотреть на пассажирку. Еду по выбранному маршруту.

– Куда Вы меня везёте? – уточняет бывшая подозреваемая.

– К дочери.

– Зачем?

– Вы ей понравились!

– И-и? – округляет глаза.

– Она хочет, чтобы Вы стали её мамой!

– Вы здоровы? Как это себе представляете?

– Беру Вас на работу ночной няней.

– Кому?

– Себе!

– Вы ещё издеваетесь! Немедленно остановите!

Плавно останавливаю машину, смотрю на Чайкину. Думаю о дочери. Если вернусь без Золотца, меня дочь папой перестанет называть.

– Чайкина, давай так поступим! Подписываем контракт. Ты идёшь работать няней к моей дочери... а я нахожу убийц твоей дочери.

Злата роняет из рук сумку.

Смотрит на меня жалостливо.

– Ты, правда, сможешь?

– Я же майор Удальцов – лучшая ищейка Москвы.

Девушка недоверчиво морщит чуть вздёрнутый носик.

– Понимаю! Ты имеешь в виду себя? Вышла промашка. Кстати, впервые за всю практику. Когда понял, что дочери нет дома посреди ночи, то мозг напрочь отключился.

Злата нервно жуёт кончик волос.

– Ну как? По рукам?

– Хорошо. Только я – интерн. Работаю в больнице до пяти вечера. Смогу приступить к обязанностям с шести. Сразу предупреждаю, что не уволюсь.

– Подходит.

Жмём друг другу руки. Едем дальше.

И только сейчас до меня доходит, в какое дерьмовое дело я ввязался.

Но ради счастья Алёнки готов на всё!

Глава 10

Злата

Демид останавливает служебный автомобиль у моего подъезда.

– Злата Дмитриевна, ждём Вас в 17.45.

– Хорошо. – Смотрю на мужчину неотрывно. А он, оказывается, симпатичный, высокий, сбитый (наверное, занимается спортом). Светло-русые волосы собраны в низкий хвостик. Видно, что мужчина выпрямляет вьющиеся волосы с помощью резинки. Вот же засада, следователю ходить с кудряшками.

Несоответствие должности и внешности.

Ему бы в глянце в плавках сниматься, или на обложках женских романов красоваться.

Впервые широко улыбаюсь.

– Чайкина, что тебя улыбнуло? Моя причёска?

Мотаю головой.

– Давай, до свидания. Мне в отличие от тебя нужно на работу, – подгоняет меня.

Спасибо, что напомнил про работу. Я ведь до сих пор не позвонила на свою. Вытряхиваюсь из автомобиля, иду домой.

По иронии судьбы около подъезда напарываюсь на соседа с питбулем. Смотрит на меня своими глазками бусинками с ненавистью. Готов броситься и загрызть. Его отвислые щёки так и плющит от желания впиться в меня.

Ведёт носом, цыкает:

– Ну как, соседка? Спесь с тебя сбили? Вот понаедут в Москву такие как ты, лягут под богача, получают в подарок элитное жильё, – тычет в наш дом, – и ходят, строят из себя королев!

– Иди к чёрту! – шиплю я, пробираясь между старцем и его собакой в наморднике.

Сердце останавливается, когда моя нога касается груди пса. На миг показалось, что он готов освободиться от намордника лишь по щелчку хозяина.

Всё обходится лишь испугом.

Дома принимаю обжигающий душ, звоню начальнице Марии.

– Мария Ивановна, я приболела, поставьте мне сегодня отгул за свой счёт.

В трубке слышу гневное злопыхание.

– Безответственная молодёжь! Свалились интерны на мою голову. У меня без Вас уйма проблем.

– Мария Ивановна, если надо, то я могу помочь Вам в эти выходные на даче. Миленькая, прикройте!

– Ладно, Чайкина. Но чтобы последний раз. На заметку, Главный уже интересовался тобой.

– Да? – во рту тут же неприятно запершило, а по телу пробежала дрожь.

– Очень интересное кино! Зачем главврачу интересоваться интерном?

– Я... я честно не знаю.

Нажав отбой, нервно выдыхаю. Завариваю чашку ромашкового чая. Всегда так делаю, когда нужно успокоиться. Правда, в случае с Игорем Геннадьевичем, не всегда помогает.

Мотаю головой, вытряхивая из головы мысли о нём. Только его сейчас не хватало!

К вечеру надеваю лёгкое платье лимонного цвета, жёлтые танкетки. Долго смотрю на себя в зеркало.

– Мило!

С удивлением вспоминаю, какие взгляды на меня бросал майор. Флиртовал, чтобы расположить к себе?

– Наивно!

Он же, как открытая книга! Небесные глаза сами всё рассказывают за своего хозяина. Предатели в тылу!

Сдуваю кудряшку с глаза, наношу на губы розовый блеск.

Уже на улице вспоминаю про Алёнку.

– Девочке нужен подарок! Она же девочка, а девочкам всегда нужно что-то дарить.

В сумке пусто, на магазин времени не осталось. Обвожу изучающим взглядом двор. Вижу красивую клумбу.

– Никто же не обидится, если я возьму три цветочка?

Через пять минут уже звоню в квартиру Удальцова. Если бы ещё вчера кто-то сказал, что я приду к нему домой добровольно, я бы этого доброхота искусала.

Дверь открывается мгновенно. На пороге женщина, перед ней маленькая девочка, одетая как праздничный торт в оранжевое платье с рюшами и оборками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/regina-yantarnaya_/pritvoris-nashey-mamoy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)